

Секция «Политика памяти: методология исследования и практики применения»

Изучение отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей (на примере последствий большевистской политики расказачивания)

Научный руководитель – Артамонова Юлия Дмитриевна

Самсонова Наталья Николаевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории и теории политики, Москва, Россия

E-mail: natalie.samsonova@gmail.com

Одной из ключевых травматических тем отечественного пространства памяти, является тема политических репрессий советского периода. В течение «инкубационного периода» существующие описания травматического события переходят из разряда исторического свидетельства в разряд эмоционально окрашенных интерпретаций, что может использоваться политическими акторами в спекулятивных целях: велик риск инструментализации травматических переживаний отдельных этнокультурных сообществ, проживающих в многонациональном и мультикультурном государстве.

Для изучения специфики мнемотического процесса культурно-этнических общностей в обработке травматического опыта был проведен качественный ненаправленный контент-анализ материалов 30 виртуальных сообществ, посвящённых истории, культуре и современному развитию казачества, опубликованные за период с 1 января 2016 по 31 декабря 2022 гг. Опираясь на результаты исследования, можно сделать следующие выводы.

В основе коллективной исторической травмы лежит вынужденное изменение коллективной идентичности и потребность в переработке коллективной памяти с последующим формированием устойчивой посттравматической репрезентации. Специфика данной репрезентации для культурно-этнической группы, включённой в состав поликультурного общества, заключается в том, речь идёт не просто о заключении мемориально-этического договора между носителями травмы и остальным сообществом, а о совместном производстве исторического знания о пережитой травме, основанной на взаимном признании и совместимости картин истории. В противном случае, велики риски, что реконструкция идентичности группы будет происходить не посредством встраивания себя в сообщество в целом, а за счет противопоставления ему.

Для культурно-этнической общности процессы перенастройки коллективной идентичности и памяти опосредуются как совокупностью внешних, социальных факторов, так и психологической составляющей, определяющей специфику проявления травматических симптомов. К внешним факторам причисляются социокультурный контекст, включающий в себя актуальные потребности общества, частью которого является травмированная группа, господствующая система взглядов, наличие условий для артикуляции травматического переживания как в правовом, так и в культурном поле. Психологическая составляющая включает в себя этнический характер, объективизированный в культуре народа, этнический темперамент, как совокупность типичных реакций на фрустрирующую ситуацию, и этнические обычаи и традиции, стабилизирующие общественные отношения, посредством формирования определённых качеств. Такие духовные детерминанты казачества как православное вероисповедание, в сочетании с веротерпимостью, патриотичное служение родине оказывают положительное влияние на реконструирование казачьей идентичности в созвучие с идентичностью общенациональной. С другой стороны, такие свойства казачьего менталитета как стремление к сохранению институтов самоуправления, исторически

сформировавшееся чувство социальной привилегированности не способствуют сокращению разрыва между обществом в целом и казачеством как отдельной этнокультурной группой.

Травма этнокультурного сообщества тесно связана с проблемой временного лага. Реконструируемое общее прошлое восходит к непосредственному опыту, однако воспоминание о нём опосредуется нарративами, трансформирующимися вместе с рамками памяти. Культурные травмы потомков сопряжены с поиском «самости», «самоидентификации». В случае травмы казачества имеет место феномен «нарративного фетишизма [2. С. 392]: бесконтрольное повествование о травматических событиях направлено как на спекуляцию на них в зависимости от индивидуальных целей говорящего, так и на создание некоего «удобного» контекста обесценивания травмы, искажения представлений о ней.

Обязательным условием организации проработки травмирующего прошлого является наличие сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией. Выстраивание новой идентичности казачьего сообщества осложняется комплексным характером перенесённой травмы. Внутри казачьего сообщества можно выделить несколько знаковых расколов: дихотомия памяти красного и белого казачества; противопоставление этнического и профессионального казачества; дихотомия интеграции и ассимиляции.

Специфической особенностью переживания травматического события отдельной этнокультурной группой является выстраивание отношений с внешней средой. В этом смысле процессы институционализации казачества можно оценивать положительно. Периферийная аудитория способна символически разделить переживание трагических событий, только если его жертвы будут представлены в терминах, описывающих ценные качества, разделяемые масштабной коллективной идентичностью. Привлечение казачества к решению задач национальной безопасности коррелирует с установившимся в общественном сознании историческим представлением о казаках как о защитника Отечества, способствует формированию позитивного образа казачества, стимулирует рост общественного интереса к истории казачества, в т.ч. к её трагическим страницам. С другой стороны, огосударствление казачьих структур сопряжено как с рисками их дистанцирования от остального населения регионов их проживания в силу специфики внутренних интересов [1. С. 147], так и с обострением конфликтного потенциала раскола этнического и реестрового

В рамках разработанной Р. Мертоном классификации способов адаптации к аномии, внутреннее освоение травмы казачьим сообществом происходит в двух направлениях: конструктивном и пассивном. Конструктивное направление построено на приёме инновации: преднамеренном «культурном творчестве», частичном изменении культурных паттернов этно-культурной группы для адаптации ее к изменившейся среде (например, возвращение казачества на службу государства в обновлённых формах, поиск новых моделей казачьего самоуправления, совместимых с действующей вертикалью государственной власти). Пассивное направление, напротив, включает в себя модель ритуализма - культивирование традиций как укрытия от травмы [4. Р. 198 -227].

В последние 30 лет, не обладая масштабными средствами влияния на публичную память, казачеством как этнокультурной группой была создана собственная коллективная память, где травма рассказывания стала одной из реконструированных контрольных точек идентичности, консолидирующим событием, символической матрицей понимания мира [3. С. 7-8]. В этой связи важно включение травматического опыта казачества в общегосударственный нарратив, закрепление не только в нормативно-правовых документах, но и в образовательном и научном дискурсе, включение коммуникативно-значимые материалы

Источники и литература

- 1) Рвачёва О.В. Власть и казачество на юге России в конце XX – начале XXI в.: от

конфронтации к сотрудничеству // Власть. № 5. 2010.

- 2) Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // Травма: пункты: Сборник статей / Под. ред. Ушакина С.А. и Трубиной Е.Г. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- 3) Ушакин С.А. «Нам этой болью дышать?» О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: Сборник статей / Под ред. Ушакина С.А., Трубиной Е.Г. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- 4) Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York: The Free Press, 1968.